

СЕМАНТИКА ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГЛАГОЛОМ-ПРЕДИКАТОМ И ОБЪЕКТОМ-БЕНЕФИЦИАНТОМ

Работа представлена кафедрой английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного университета.

В статье рассматриваются некоторые специфические особенности взаимосвязи между глаголом-предикатом и его объектом, за которым закреплена семантическая роль бенефицианта; также дается характеристика особых признаков, присущих объекту-бенефицианту, и выделяются основные виды глаголов-предикатов, реализующих данную ситуацию. Регламентированная структура текстов законодательных актов характеризуется наличием избыточных средств в поверхностной структуре ситуации, что связано с колебанием валентностных свойств ее глагола-предиката; при этом в поверхностной структуре может наблюдаться элиминирование обязательной позиции объекта.

Ключевые слова: *глагол-предикат, объект-бенефициант, семантическая роль, поверхностная структура, законодательный акт, избыточность, валентность.*

I. Baskakova

SEMANTICS OF RELATIONS BETWEEN A PREDICATE VERB AND AN OBJECT-BENEFICIARY

The paper is devoted to some specific features of the interrelation between a predicate verb and its object, which plays a semantic role of a beneficiary. The author also characterises special features that are peculiar to an object-beneficiary and distinguishes the main types of predicate verbs realising this situation. The regulated text structure in legislative acts is characterised by redundant means in the surface structure of the situation, which is connected with the fluctuation of valent characteristics of its predicate verb. In this case the elimination of the object's compulsory position can be observed in the surface structure.

Key words: *predicate verb, object-beneficiary, semantic role, surface structure, legislative act, redundancy, valency.*

Устойчивый интерес лингвистов к смысловой стороне языка высказывания наблюдается достаточно давно. В трудах Н. Хомского, Дж. Катца, Й. Фодора, У. Вайнрейха,

М. Бирвиша, У. Чейфа, Ч. Филлмора, Г. Хельбига, В. Г. Адмони, Т. Б. Алисовой, Н. Д. Арутюновой, В. В. Богданова, В. Г. Гака, Г. А. Золотовой, О. И. Москальской, И. П. Сусова, и др. проводится идея о сложной организации смысла высказывания, разрабатываются проблемы структурного и семантического планов предложения, выявляются закономерности соотношения формальной структуры и семантического содержания предложения.

Объектом рассмотрения в настоящей статье являются некоторые специфические особенности взаимосвязи между глаголом-предикатом и его объектом-бенефициантом* в тексте законодательных актов британского парламента.

Основанное на представлениях о благе или выгоде как ценностях, бенефактивное смысловое отношение лишь выделяется особым образом среди других синтаксических категорий. Оно связано с аксиологической шкалой «ущерб – благо» и, таким образом, является надстроечным по отношению к другим значениям, представленным базовыми структурными моделями. И все же в большинстве фундаментальных работ по структурной и функциональной семантике «бенефактив», «бенефициант» и «бенефактивные отношения» рассматриваются на одном уровне с такими категориальными отношениями, как агентивные, локативные, экспериенциальные, реляционные и т. п. Следует также особо подчеркнуть, что благодаря наличию аксиологической составляющей в структуре и (что является в этом смысле определяющим) тому, что обе главные актантные роли – бенефактора (агента действия) и бенефицианта – представлены в денотативной ситуации одушевленными объектами, находящимися в прямом взаимодействии друг с другом, бенефактивные отношения не только реализуются на семантико-синтаксическом уровне, но и имеют собственные средства актуализации в коммуникативном пространстве.

Суть отражаемой в языке бенефактивной ситуации заключается в обозначение действия, совершаемого в пользу такого участника ситуации (бенефицианта), которым не является субъект действия. В структурно-

семантическом плане такое значение представлено двумя обобщенными актантно-ролевыми ситуациями, в которых «А (бенефициант) извлекает выгоду из X», например: *I received a grant*, или «X совершает действие в пользу А (бенефицианта)», например: *He saved me*. В настоящей статье делается попытка анализа некоторых особенностей второго типа ситуаций, в которых бенефициант извлекает выгоду из действий постороннего лица.

При более внимательном подходе к рассмотрению семантических признаков бенефактивной актантной роли чрезвычайно важным для ее характеристики оказываются ее пассивность и инертность к производству действия. С другой стороны, для этой роли характерен достаточно высокий уровень избирательности действия как потенциально выгодного и способность извлекать из действия, совершаемого другим лицом, результат, положительный/отрицательный для себя, а также способность «притягивать» и присваивать этот результат. Как следствие этих признаков для бенефактивной актантной роли в большей степени характерна объектная позиция.

В лингвистической литературе, несмотря на отсутствие конкретного исследования в данной области на материале английского языка, достаточно часто прослеживается мысль о том, что связь между объектом и глаголом намного прочнее, чем между субъектом и глаголом [1]. Если общепризнанная функция глагола заключается в организации и определении структуры ситуации, отношений между предметами, явлениями и лицами, то именно «объект определяет характер действия, направленного на их создание, изменение или уничтожение», поскольку сам подвергается этому действию [2, с. 125].

Среди глаголов-предикатов, реализующих признаковый аспект бенефактивной ситуации, пожалуй, самую большую группу составляют глаголы-отношения, передающие аспект социальной активности людей и их институциональных действий, изменяющие положение объекта в его реальной жизни. Н. Д. Арутюнова считает, что эта категория глаголов занимает промежуточное положение

ние между интенциональными глаголами, обозначающими эмоциональные, волевые, интеллектуальные процессы, происходящие в субъекте, и глаголами механического или физического действия. Вторая группа глаголов традиционно представлена глаголами говорения, которые связаны с бенефактивным значением историческими узами, поскольку в истории германских языков в их управлении находился объект, известный как «дательный заинтересованного лица» или дательный этический [3].

Специфика глаголов, связанных с бенефактивным значением, заключается в том, что тематически они связаны со сферой практической жизни человека, поэтому по производимому ими результату им свойственно на понятийном уровне соотноситься с благом или пользой/выгодой для человека, благоприятствовать в его жизни и деятельности или, наоборот, способствовать его неудачам, ущербу, либо приводить к отрицательным результатам или последствиям. Большая часть этих глаголов включает в свой семный состав отчетливо выраженный положительно или отрицательно маркированный семантический признак, например: (+) to assist, befriend, cooperate, entitle, favour, provide, rescue, safeguard, save, spend, а также (-) to abhor, alienate, convict, disqualify, enthrall, harm, neglect, slight, track down, wrong, и т. п., например: *they shall advise and befriend him if he was being looked after by a local authority* [C(LC)A2000] ; *The court could also disqualify people convicted of these offences from being registered either permanently or for a specific period of time...* [D_AHW(Sc)A2006].

Следует признать, что часть глаголов, принимающих бенефактивный объект, не перегружена семантической маркированностью и сближается с реляционной моделью, характеризующейся относительной нейтральностью, поэтому убедительная характеристика бенефактивной ситуации складывается за счет привлечения дополнительных лексических средств в контексте ее реализации, например: *the Chief Inspector must give advice to the Secretary of State on such matters relating to early years provision or later years*

provision in England as may be specified in the Secretary of State's request [CA2006]; *...the tribunal may disqualify the proprietor from being the proprietor of any independent school, disqualify the teacher from being a teacher in any school or disqualify the premises, or parts of the premises, from being used as a school or part of a school* [E(S)A1980].

Семантическая ранжированность этих глаголов заключается не только в элементе их соотнесенности с предложением или контекстом, т. е. включением дополнительного семантического маркера в глагол или его отсутствием, но также и в том, что они распределяются по условной семантической шкале от элементарных, таких как, give, take, have, get, к наиболее экспрессивно насыщенным и семантически сложным, несущим специфическую функционально-экспрессивную, стилистическую нагрузку, как, например, to bestow, abhor, retain, prosecute. При этом язык, используя свои внутренние резервы, как правило, компенсирует при простых, семантически не осложненных глаголах недостающий семантический признак, привлекая его извне (из контекстного окружения, либо за счет заполнения свободных валентных мест); при глаголах экспрессивно окрашенных – наоборот, центром притяжения внимания, как правило, остается сам глагол. Иными словами, язык стремится к определенному семантическому равновесию. В случае, когда мы имеем дело с чрезмерной лексико-семантической и синтаксической избыточностью средств реализации ситуации, можно говорить либо о намеренном приеме экспрессии, выбранном автором для реализации своего замысла, либо об устойчивой традиции, которая может быть связана с рядом установившихся условий употребления языковых единиц, как, например, в законодательных текстах, где детализации принадлежит чуть ли не главенствующая роль в создании речевой ситуации. С юридической точки зрения, наличие информационной избыточности в текстах нормативно-правовых актов формирует предпосылки к устранению разнообразных недоразумений в процессе восприятия, способствует повышению надежно-

сти понимания той или иной правовой информации, заключенной в текстах нормативно-правовых актов. Помимо того, величина необходимого и достаточного объема информационной избыточности находится в непосредственной зависимости от индивидуальных особенностей и способностей воспринимających субъектов. В случае, когда информационная избыточность полностью отсутствует в текстах нормативно-правовых актов, может возникнуть состояние, которое повлечет за собой появление всевозможных недоразумений в процессе восприятия текстов нормативно-правовых актов и, как следствие, в процессе их реализации на практике [4, с. 4]. В иных случаях нарушенными оказываются общепринятые правила коммуникативного речевого общения.

В подтверждение сказанного здесь уместно привести известный пример об апельсине, когда одна и та же ситуация реализуется в языке совершенно разными путями: а) I give you that orange.

Когда подобная ситуация актуализируется в тексте правового документа, вполне возможно, что средства ее реализации изменятся, а именно: I give you all and singular, my estate and interest, right, title, claim and advantage of and in that orange, with all its rind, skin, juice, pulp and pips, and all right and advantage therein, with full power to bite, cut, suck, and otherwise eat the same, or give the same away as fully and effectually as I the said A.B. am now entitled to bite, cut, suck, or otherwise eat the same orange, or give the same away, with or without its rind, skin, juice, pulp, and pips, anything hereinbefore, or hereinafter, or in any other deed, or deeds, instrument or instruments of what nature or kind so ever, to the contrary in any wise, notwithstanding [5]. (*Настоящим я даю, дарю и передаю вам в соответствии с моими интересами, правом, статусом и требованием этот апельсин и все, что связано с ним, вместе с кожурой, цедрой, соком и мякотью и со всеми правами на кусание, резание, сосание или иное употребление указанного апельсина, или избавление от него, или передачу указанного апельсина в распоряжение третьей стороне, с кожурой, цедрой, соком и мякотью или без кожуры, цедры, сока*

и мякоти, в соответствии со всеми поправками, прилагаемыми впоследствии к настоящему соглашению.)

С. Д. Кацнельсон связывает семантическую осложненность глаголов с валентностью [6, с. 564–566]. Он приходит к выводу, что при нарастании степени сложности у глагола увеличивается количество валентных мест. Если некоторые бенефактивные глаголы *продать, снять (квартиру)* и т. п. обладают большей валентностью, то это потому что они представляют собой модифицированное усложнение обычного глагола. Модификация таких глаголов означает обогащение их валентности путем присоединения дополнительной семы – по существу вопросительной [6]. Так, можно говорить о том, что русск. *подарить* присоединяет к глаголу *дать* сему *даром* и *по какому-то случаю* или *в виде награды за услуги, в знак благоволения*, а англ. *reward* включает помимо семы *давания* также сему *награждения за что-то полезное, доброе, важное*, выполненное человеком. Такие семы представляют собой, по мнению С. Д. Кацнельсона, своего рода имплицитные предикаты, подразумевающие расшифровку с помощью дополнительного предложения, как бы отвечающие за скрытый в предложении вопрос (с чего ради, по какому случаю, за какую услугу? и т. п.). Каждая новая имплицитно-предикатная сема «приводит за собой» новые валентности, обогащая, но и усложняя тем самым отражаемую ситуацию.

С другой стороны, наряду с заполнением многочисленных факультативных валентностей и семантического усложнения глаголов бенефактивный объект не всегда может быть представлен в предложении эксплицитно, хотя и легко восстановим из контекста. И это происходит в языке, несмотря на то, что он является облигаторной ролью бенефактивной ситуации. Элиминирование средств, выражающих адресат, по мнению М. А. Олейник [3], происходит в тех случаях, когда действие или речь обращены к большой группе людей. В текстах британских законодательных актов этот прием используется достаточно часто, поскольку служит одним из тактических приемов законодательной власти при обра-

щении к народу и подчеркиванию равенства всех перед законом, например: *The assistance which a local authority may give under subsection (1)(a) includes financial assistance* [E(S)A1980]; *The court shall not grant a decree of nullity in a case falling within sub-paragraph (1)(e) above unless...* [D_AHW(Sc)A2006].

Несмотря на то, что текст законодательных документов представляет собой жесткую рамочную структуру, выверенную веками, многоаспектность функционально-семантических связей, представленных в нем, представляет собой безграничное поле для лингвистических исследований разных уровней.

ПРИМЕЧАНИЕ

*Использованные в настоящей статье примеры взяты с официального сайта британского парламента www.opsi.uk.co, на котором в электронной версии печатаются тексты законодательных актов и официальных документов, принимаемых высшим органом законодательной власти Великобритании. В статье приняты следующие сокращения:

C(LC)A2000 – Childcare (Leaving Care) Act 2000

D_AHW(Sc)A2006 – Draft: The Animal Health and Welfare (Scotland) Act 2006 (Consequential Provisions) Order 2006

CA2006 – Childcare Act 2006 (с. 21)

E(S)A1980 – Education (Scotland) Act 1980 (с. 44)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вежбицка А.* Дескрипция или цитация // НЗЛ. Вып. 16. Лингвистическая прагматика: сборник. М., 1985. 504 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976. 383 с.
3. *Олейник М. А.* Семантико-синтаксическая характеристика адресата в истории немецкого языка (на материале глаголов речи, бенефактивного и дебенефактивного действия): автореф. канд. филол. наук, СПб., 1994. 17 с.
4. *Баранов П. П., Иванов Г. И., Лупандина О. А.* Выявление системной информационной избыточности в текстах нормативно-правовых актов // Теория права и правовая информатика. Юридический сборник. Вып. 1. Изд-во Таганрогского гос. радиотехн. университета, Ростов-на-Дону, Таганрог, 2000. 153 с.
5. *Палашевская И. В.* Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 17 с.
6. *Кацнельсон С. Д.* Категории языка и мышления. Языки славянской культуры. М., 2001. 851 с.

SPISOK LITERATURY

1. *Vezhbitska A.* Deskriptsiya ili tsitatsiya // NZL. Vyp. 16. Lingvisticheskaya pragmatika: Sbornik. M., 1985. 504 s.
2. *Arutyunova N. D.* Predlozheniye i ego smysl. M., 1976. 383 s.
3. *Oleynik M. A.* Semantiko-sintaksicheskaya kharakteristika adresata v istorii nemetskogo yazyka (na materiale glagolov rechi, benefaktivnogo i debenefaktivnogo deystviya): avtoref. kand. filol. nauk. SPb., 1994. 17 s.
4. *Baranov P. P., Ivanov G. I., Lupandina O. A.* Vy'yavleniye sistemnoy informatsionnoy izbytochnosti v tekstakh normativno-pravovykh aktov // Teoriya prava i pravovaya informatika. Yuridicheskiy sbornik. Vyp. 1. Izd-vo Taganrogskogo gos. radiotekhn. universiteta, Rostov-na-Donu, Taganrog, 2000. 153 s.
5. *Palashevskaya I. V.* Kontsept «zakon» v angliyskoy i russkoy lingvokul'turakh: avtoref. kand. filol. nauk, Volgograd, 2001. 17 s.
6. *Katsnel'son S. D.* Kategorii yazyka i myshleniya. Yazyki slavyanskoy kul'tury. M., 2001. 851 s.